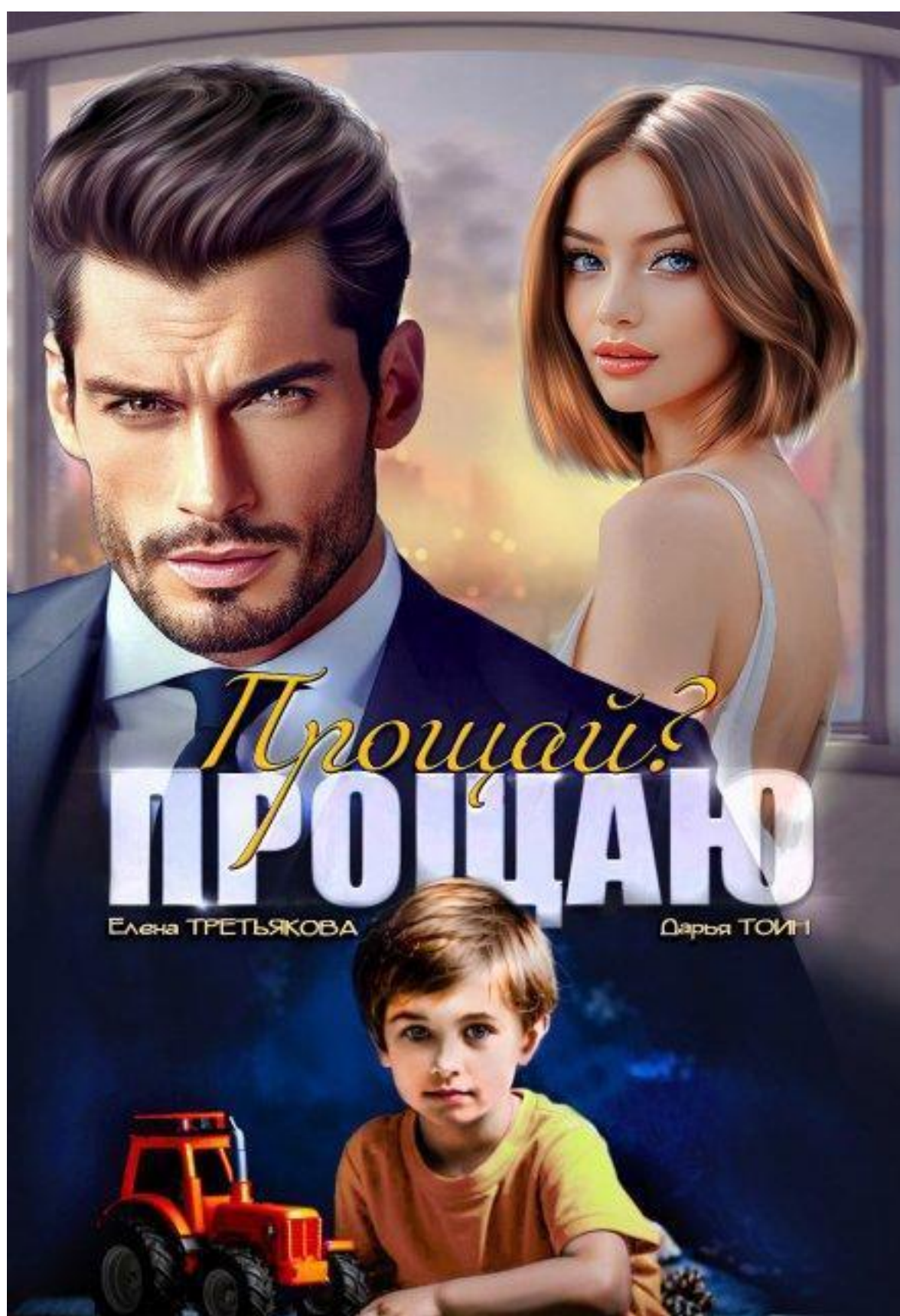

Прощай?
ПРОЩАЮ

Елена ТРЕТЬЯКОВА

Дарья ТОНИНА

Елена Третьякова

Прощай? Прощаю

«Литнет»

2024

Третьякова Е.

Прощай? Прощаю / Е. Третьякова — «Литнет», 2024

— Я мечтала прожить с тобой всю жизнь. Долгую и счастливую жизнь. Родить от тебя детей. Не смогла... но что в итоге, Виктор? Вместо поддержки ты изменил. Ты меня предал. Нас предал! И главное, как ты назвал своего сына? Именем, которое я придумала для нашего ребёнка! Простить тебя? Вот так просто... думаешь, время лечит?! Они были молоды и счастливы. Она готова была идти за ним на край света, а он предал ее чувства. Возможно ли простить измену? Или стоит отпустить любимого человека навсегда? #бывшие#встреча через время#измена 4-ая книга цикла «Исцеляющие сердца». Все истории читаются отдельно. ХЭ обязателен.

© Третьякова Е., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Раньше был смысл*	5
Что же ты стоишь — рушить это не строить	8
Ты меня не любил, значит, я тебя тоже	11
Я берегу... тебя внутри разбитой души	14
И если я твой дом — ты в нём любовь	16
Снова ищу тебя в ком-то. Снова совру, что не помню	18
Визуализация героев	20
Останься лишь на миг, хоть нет на то причин	21
Я так привыкла в этом мире никому уже не верить	23
Сам ты тише! Ненавижу	25
Дай мне воли, чтоб не быть с тобой	28
Ты была права — я не исправим	31
Если я окажусь на дне, ты тот самый яркий свет?	33
Мы же взрослые люди? Дай мне уйти	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Раньше был смысл*

Марина

Новый год всегда пахнет чем-то волшебным. Это больше, чем просто запахи пряного гингивейна, имбирных пряников, свежего морозца, медового взвара с лёгкой ноткой хвои. В это время года, как никогда, хочется верить в лучшее.

Даже мне в свои тридцать с маленьким хвостиком и с тяжёлым разводом в анамнезе радостно смотреть на новогоднюю ярмарку и ярко украшенный шатёр приезжего цирка. Где-то глубоко в душе воскресает крепко забитая ногами надежда на чудо.

Сегодня я провожу день с племянниками. А так как я против всяких фастфудных кафешек, то купила билеты в цирк. Приехали мы с детворой специально пораньше, чтобы вволю побродить по украшенной и яркой площади.

Каролина с Кириллом, румяные, с горящими глазами, перебегают от одной локации к другой. Народу на ярмарке много, куча детей, поэтому я хожу за племянниками как привязанная, боясь выпустить их из виду. Хорошо, что Каринка надела на них яркие оранжевые шапочки с помпонами — их сразу видно в толпе.

— Кава, Кава, — зовет Кирилл, отчаянно картавля.

Ему только недавно исполнилось четыре года, и он пока ещё плохо выговаривает звуки, да и полное имя сестры даётся с трудом. Вот он и сокращает ее до «Кара» — «Кава» в его произношении. И иногда я с ним полностью согласна. Каролина энергичная, подвижная, шумная и очень балованная, такая «чертёнок в юбке». Вечно куда-то лезет, что-то ломает, при этом подбивая брата взять вину на себя.

— Фмотли, тут зоватая лыбка!

Племянник отыскал позади ярмарочных рядов выставку ледяных фигур, которые расставлены на шахматной доске. Тут стоят рыбки, царевны-лебеди, богатыри, кот учёный на пне дубовом, русалки, старики с неводом и многие другие персонажи сказок Пушкина.

— Надо загадать желание, — подскочившая к рыбке Каролина пытается влезть на фигурку и потереть корону на её голове. Или не просто потереть, а оторвать или отгрызть, как уж пойдёт.

Я отгаскиваю племянников на пару шагов в сторону и провожу воспитательную беседу на тему уважения к чужому труду и правил поведения в общественном месте. На все мои замечания Каролина неизменно отвечает:

— А мама нам разрешает!

Единственное, что могу сказать в ответ:

— А я нет! Не будете слушаться меня, уйдём домой к маме. А билеты в цирк сдадим. Или нет, подарим вот этому мальчику.

За рыбкой, аккуратно трогая голой ручкой хвост рыбки, стоит мальчуган лет четырёх. По крайней мере по росту он как Кирилл.

— Но он тоже трогает фигурку! — надув капризно губки, канючит Каролина.

— Он аккуратно потрогал и отошёл. А не лезет на самую фигуру, отчего она может упасть и разбиться. Или что-то отколетсЯ от неё, что тогда будем делать? Это же тонкая работа, — завожу по-новому свою воспитательную волюнку.

А мальчик действительно отходит, но, постояв немного, возвращается вплотную к рыбке и вроде бы что-то шепчет.

— Наверное, рыбка желания исполняет. Вот он уже загадал, — Каролина, вместо того чтобы слушать меня, рассматривает мальчика. — И я хочу. Хочу куклу, как у Наски в группе, и платье розовое, и... и...

— А он пласет, — перебивает Кир поток хотелок сестры.

Малыш действительно стоит теперь, опёршись о скульптуру, обхватив рыбку за хвост, и тихонько плачет.

— Желание не сбылось, — заявляет Каролина.

— Он потеляфся, — догадывается первым Кир.

Я хватаю своих детей за руки, чтоб не разбежались, и кручу головой. Выставка ледяных скульптур находится как бы позади площади, немного на отшибе и в противоположной стороне от цирка. Не удивительно, что сюда доходят только самые стойкие гуляющие, основная масса зависает в рядах с народными промыслами. Тем более в этом году каждая лавка представляет либо города, регионы, либо народности России. Вперемешку с пуховыми платками торгуют пряниками, медом, жареными каштанами, колбасами из медвежатины, вареньем из морошки, ароматными подушечками из лаванды, резными ложками и ещё кучей всяких разных интересных вещей. Но моих не заинтересовала выставка-продажа, поэтому мы оказались среди ледяных фигур. А вот почему мальчик оказался здесь совсем один — вопрос.

Я ещё раз верчу головой в надежде увидеть на дорожке или рядом с павильонами мечущуюся маму, но нет. Все люди ходят спокойно, что-то едят, что-то пьют, веселятся, рядом с нарядной каруселью в три оборота змеится очередь, играет музыка, падает лёгкий снежок.

А возле фигурки золотой рыбки плачет мальчуган.

— Пойдём, — я тащу своих поближе и наставляю: — Если я подойду к нему, мальчик может испугаться. Поэтому вы подходите первыми и спрашиваете, что случилось. А я рядом стою.

Послушно качаются помпоны на их шапках. Несмотря на избалованность, мои племянники — дети добрые, всегда готовы помочь любому, хоть котiku, хоть малышу.

— Ты чего плачешь? — Каролина подходит к мальчугану. — Ты здесь с кем? От родителей убежал, что ли?

— На, это тебе варезки, — протягивает Кир свои запасные. — Как тебя зовут?

Мальчик перестает плакать, но на вопросы не отвечает. Руки прячет за спину.

Я смотрю на часы. Через двадцать минут начнется представление, надо как-то побыстрее найти родителей мальчугана. Присаживаюсь рядом с ним на корточки. Улыбаюсь.

— Как тебя зовут? Может, ты знаешь телефон мамы?

При слове мама ребёнок вздрагивает и начинает громко реветь.

— Точно потерялся, — заключает Каролина.

Малыш ревет так горько, что у меня разрывается сердце. Беру его на руки, он вцепляется в ворот куртки руками и утыкается мне в шею холодным лицом.

— Так, банда. Не убегать. Идём к елке, там у ведущего есть микрофон. Дадим объявление, что нашёлся мальчик. Ну и охранникам на входе скажем потом.

Мои племянники серьёзно кивают головами, синхронно и очень похоже хмурят брови.

Мы нашей небольшой процессией почти доходим до начала ярмарочных рядов, когда из-за угла на меня налетает крупная жёсткая, явно мужская фигура.

— Степан!

Мальчик на моих руках дёргается и оборачивается. Из-за его плеча я практически не вижу лица мужчины. Но от неожиданности чуть не выпускаю ребёнка из рук. Набатом в ушах звучит имя «Степан».

Когда-то я хотела так назвать сына.

Когда-то очень давно, практически в прошлой жизни.

Ещё до того, как я надеялась на чудо и отрицала диагноз.

— Спасибо вам, что не оставили сына, — мужчина буквально выдирает ребёнка у меня из рук и быстро окидывает его беглым взглядом. — Я готов отблагодарить, — он поворачивается ко мне лицом.

Столько лет я не видела его вживую.

Столько лет вытравливала воспоминания о нём из памяти.

Вот уже год, как он перестал мне сниться.

Я думала, что уже не узнаю его при встрече. Ведь я изменилась за пять лет, значит, и он изменился.

Но на меня внимательно с чуть заметным прищуром смотрят карие глаза моего бывшего мужа.

Он назвал своего сына именем, которое я придумала для нашего общего малыша...

...который никогда не родится...

* Дорогие читатели, добро пожаловать в роман о любви, об ошибках прошлого и попытках вернуть самое ценное. Все главы у нас — строчки из тех или иных песен. Начнём? Баста — «Ты была права»:

Ты была права — я был тобой обречён.

Раньше был смысл, теперь ни о чём.

Что же ты стоишь — рушить это не строить

Марина

Первую половину циркового представления я провожу как в тумане. Племянники теребят меня, ежесекундно дергая за руку и пытаюсь выжать из меня ответную восторженную реакцию. Они громко хохотчат над выступлением клоунов, замирают в шоке от выкрутасов воздушных гимнастов, умиляются собачкам и практически не дышат при появлении на арене трёх тигров. Всё это я вижу, отмечаю, но никак не могу отреагировать.

Я застываю в том моменте узнавания. И понимания...

— Марина? — Бывший удивлённо выгнул правую бровь. — Неожиданная встреча. Спасибо, что не прошла мимо сына, — он дёрнул уголок рта.

Сразу из подсознания всплыло воспоминание: нервничает, но старается держать себя в руках.

— А ты, — он посмотрел на ладошки племянников в моих руках, — с детьми?

Я уверенно кивнула, испытывая одновременно и злорадство, и горечь. Видимо, уже бывший муж решил, что племянники — мои дети. Каролина родилась почти за год до нашего развода. Мы даже вместе ходили в роддом встречать Карину с малышкой. Но вряд ли муж сейчас узнает в шестилетней девочке того младенца. А про рождение Кирилла он вряд ли знает. Поэтому, видя, как хмурится его лицо, я чувствовала себя немного отомщенной. Ведь врачи говорили, что есть надежда, что надо верить в чудо, что бывают разные случаи, просто не надо сдаваться. Но муж не захотел верить, да и ждать не захотел.

Мальчик у него на руках завозился, он отвлёкся, а я тогда позорно сбежала.

— С Новым годом, с новым счастьем, — протараторила скороговоркой и потянула детей ко входу в цирк.

— Спасибо, — донеслось мне в спину.

И вот сижу я на представлении и вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю...

У его сына его глаза. Карие, тёмные, почти чёрные. И длинные ресницы. У бывшего мужа они даже на солнце не выгорали, в отличие от моих, которые за годы жизни на юге стали совсем светлыми.

У его сына его взгляд. Из-под бровей, как будто всегда хмурый.

У его сына его губы.

У его сына...

Не у нашего... Закрываю глаза, пытаюсь сдержать дрожь по телу.

— Тётя, тётя, — Кирилл цепляется за рукав моей блузки и тянет к себе. — А ефли он её фейчаф не фмосет фобвать, што будет?

С огромным усилием выныриваю из омута воспоминаний. Пытаюсь сосредоточиться на том, что происходит на арене. А там выступление иллюзионистов. Девушку в ящике разрезали на две части и теперь помощник фокусника — клоун — собирает пазл неверно: приставляет голову к ступням. Зал хохочет, клоун старается, дует щёки, смахивает воображаемый пот со лба.

— Кирюш, он обязательно соберёт правильно, — отвечаю племяннику.

— Конечно, — авторитетно заявляет Каролина. — Иначе она будет некрасивая, а некрасивым замуж выйти трудно.

Даже не хочу знать, откуда такие познания и житейская мудрость у шестилетней девочки.

Но наш небольшой диалог возвращает меня из прошлого, я пытаюсь внимательнее следить за происходящим на арене, отвечаю на вопросы племянников. В антракте веду их в буфет. Тут и там расставлены фотозоны, можно сфотографироваться с попугаями, мартышкой, пито-

ном и собачками. Везде лотки с мыльными пузырями, попкорном, пластиковыми мечами, очками с перьями и прочей мишурой, призванной украсить праздник. Мои ребята просят всё и сразу, особенно Каролина. Она ещё помнит те времена, когда в семье было много денег и все её капризы выполнялись по щелчку пальцев.

Я покупаю детям по стакану попкорна и веду обратно в зал. Очень боюсь опять встретиться с бывшим мужем. Мы с ним перекинулись всего-то парой фраз, а такой раздрай в душе после этого. Вторую часть представления даже не замечаю и, дождавшись финальных фанфар, сгребаю малышню и ускоряюсь к выходу.

Даже на парковке не могу успокоиться и прийти в себя. А когда привожу детей в мамину квартиру, настроения не добавляет уже сама Каринка:

— Мариша, будь другом, — с порога заявляет сестра. — Мне кровь из носу надо уйти. Посиди с моей бандой.

Не спрашивает, а скорее приказывает. И уже натягивает пуховик.

— Куда уйти? Что случилось?

— Мне надо. Отдохнуть и развеяться.

— Надолго?

Зная Карину, могу предположить, что на полночи, но она сумела меня удивить ответом.

— До утра. Часов в девять буду. Или десять. — Она обвязывает вокруг шеи шарф и брызгает на него духами.

— В смысле «до утра»? Ты собралась куда-то на ночь?

— Ой, ну что ты такая правильная? А, Марин? Я устала. Хочу немного отдохнуть. — Сестра наклоняется к моему уху и шепчет: — Я с таким классным мужичком познакомилась. Надо закрепить результат.

— Ты совсем, что ли? — я упираю руку в дверной косяк и не даю сестре выйти.

— Я не «совсем». Но и в монастырь не собираюсь! В отличие от тебя, я хочу устроить свою личную жизнь. И мама мне то же самое говорит.

— Ах мама, — теперь мне понятно, откуда ветер дует.

Кто бы сомневался, в маминой картине мира самое важное в жизни — удачно выйти замуж.

— А ты как раз можешь помочь. Тебе всё равно нечего делать, — Карина опять поворачивается к зеркалу и поправляет волосы, вытаскивая их из-под ворота пуховика.

— С чего ты взяла? Тебя никак не касается моё личное время. Подожди пару дней, пока мама не приедет из санатория, и мети хвостом сколько хочешь!

Мама пусть похождения своей младшей дочери и спонсирует, а я на это не подписывалась.

— Вот ты уже месяц как вернулась, а хоть бы раз реально помогла! — Сестра надувает губы и кривится. — Что мне твои пару часов помощи с детьми, а? Я даже отдохнуть не успела, ни ванну нормально принять, ни уйти, ни развеяться. Ты себя в своей съёмной однушке барыней возомнила, что ли?! Зачем вообще платить за съёмное? Жила бы с нами... — Карина осекается, но я точно знаю, чьи это слова, и продолжаю за сестру:

— А деньги отдавать вам? Тебе и маме. Спать на кухне на раскладушке, ждать очередь в ванную, пока ты наплескаешься, вкалывать на работе сутками, чтобы ты могла и вовсе не работать, а отдыхать и гулять? Нет, сестрёнка, мой поезд благотворительности сошёл с рельсов. И позволять сесте себе на шею я больше не буду. — Я открываю дверь и выхожу из квартиры. — И если мама считает, что тебе надо устроить свою личную жизнь, то пускай она и сидит ночью с внуками! — захлопываю дверь с чувством огромного облегчения и вприпрыжку сбегая с лестницы на улицу.

Холод улицы сразу окутывает... не только снаружи, но и в душе. И я не успеваю даже дойти до машины, вспоминая имя его сына.

* #2Маши — «Едкие слова»

Ты меня не любил, значит, я тебя тоже

Марина. Полгода спустя

Звонок Вики, бывшей пациентки и хорошей подруги, застаёт на остановке. Я ещё не опаздываю на работу, но уже начинаю переживать. Люблю приходить хотя бы на десять минут пораньше, чтобы спокойно переодеться, настроиться на рабочий лад.

Моя машинка, старенький, но верный «лифанчик», как назло, оказалась в ремонте. Но уже завтра после смены я буду на ней. И вот жду я автобус. Предыдущий ушёл у меня под носом, а следующий будет минут через десять.

Когда искала съёмное жильё, ориентировалась на близость к маминной квартире, чтобы в случае ухудшения её здоровья я всегда была на подхвате. А потом подвернулась работа в медицинском центре, я согласилась, но о трудностях дороги как-то не подумала. Меня в большей части привлекли хорошая заработная плата и приятный коллектив.

— Мариночка, — тихонько шепчет в трубку Вика. Наверное, дочка на руках спит. Или сама в детской комнате и выйти не может.

Возле дороги шумно, я прикрываю второе ухо ладонью и прижимаю сильнее трубку.

— Мариночка, привет. Ты сейчас можешь говорить? Не на работе?

— Викуль, привет. На остановке стою. Плохо тебя слышу.

— Тогда я быстренько. Ты же уколы всякие умеешь делать? Ребёнку сможешь антибиотики колоть?

— Вам врач назначил? — удивляюсь. Дочке Вики еще и месяца нет.

— Это не нам. Валюша здорова, тьфу-тьфу-тьфу. И с Пал Палычем всё в порядке. Это для знакомых. Ребёнок с пневмонией. А в больницу не ложатся. Надо дома уколы делать.

— Почему в больницу не хотят? Там наблюдение. — Вдалеке маячит автобус. Мой или нет, не видно, но толпа на остановке подходит ближе к краю тротуара. Мне бы тоже надо приготвиться.

— Ребёнок уже дважды за этот год лежал в больнице. Его туда просто не затащить.

— Маленький?

— Я не спросила точно возраст. Но четыре года полных. Сколько месяцев, не знаю.

— Месяцы не важны. Маленький. И больниц боится. Ясно. Мне надо знать назначения врача. Что за лекарства? Что за диагноз?

— Ой, Мариш, а давай я тебе дам контакты. Ты напиши, всё спроси. Я всё равно не запомню названия лекарств.

— Хорошо. Дай маме ребёнка номер, пусть мне напишет.

Вика что-то отвечает мне в трубку, но меня под локоть задевает спешащий к автобусу мужчина. Я толком не слышу, спешно прощаюсь и иду на абордаж городского транспорта.

Вечером в мессенджере падает сообщение с неидентифицированного номера:

«Добрый вечер. Мне ваш номер дала Виктория. Она сказала, что вы согласны делать уколы моему сыну».

Отвечаю: «Добрый. Предварительно согласна. Мне нужно знать диагноз, названия лекарств. Ваш адрес, чтобы прикинуть, во сколько я смогу к вам добратсья».

Через пару минут я получаю фотографию с выпиской врача. Внебольничная очаговая пневмония, бронхообструктивный синдром. Отказ от госпитализации. Назначения. Явка. Адрес. Чётко и по делу.

— Марина, в двенадцатой палате зовут, — отвлекает меня от переписки моя напарница. Возвращаюсь к сообщениям через полчаса.

«— Аллергии есть?

— Обследуемся, — лаконичный ответ.

Смотрю на дату выписки: вчерашняя.

— Сегодня укол уже был?

— Да, утром.

— Завтра я смогу подъехать к... — прикидываю, что освобожусь в восемь. Здесь не очень далеко. Удачный адрес — на полпути от клиники к дому. — Девять утра. Устроит?»

Я называю стоимость. Мама мальчика соглашается и прощается.

Зарплата в центре хорошая, но не миллионы. Подработка никогда не будет лишней. Тем более, что Каролинке в этом году в подготовительный класс надо идти, готовиться к школе. А Карина, как всегда, вспомнит об этом только в сентябре, когда надо будет платить. Так что лучше мне иметь некоторую сумму денег про запас.

Ровно к девяти на общественном транспорте приезжаю по назначенному адресу. Новый жилой комплекс, закрытая территория, большая детская площадка, много зелёных насаждений. Красиво и уютно.

Дверь мне открывает невысокая женщина в возрасте с пышной копной седых волос. И я запоздало вспоминаю, что не узнала имён ни ребёнка, ни его родительницы.

— Здравствуйте. Я медсестра, — повторяю то, что сказала в домофон.

— Да-да. Мы вас ждём. Пройдите в гостиную. Разуйтесь только, пожалуйста. — Женщина приветливо улыбается, машет рукой в сторону комнаты и, убедившись, что я зашла куда надо, скрывается за поворотом коридора, откуда доносится её разговор с кем-то: — Пришла медсестра. Я проводила её в гостиную.

Что ей отвечают, я уже не слышу, видимо, она прошла дальше в комнату.

Чтобы меня не заподозрили в подслушивании, отхожу к окну, встаю рядом с пустой массивной стеклянной вазой и плотными шторами. Судя по дому и ремонту в квартире, хозяйка из обеспеченных людей. Мало ли что им в голову придёт — лучше быть поаккуратнее.

Я жду ещё пару минут, рассматривая открывающийся отсюда вид.

— Доброе утро, — меня пронизывает молнией от знакомого тембра голоса.

Резко оборачиваюсь и вдруг задеваю ногой вазу, что тут же падает на паркет и звонко разлетается на кусочки.

Напротив меня в дверях стоит Виктор, мой бывший муж, и до боли знакомо удивлённо вскидывает бровь.

Молчу.

— Не ожидал.

Киваю. Что ответить, даже не знаю. Думаю присесть и убрать осколки, надо бы извиниться и сказать, что я всё возьму, но...

— Не трогай, — резко обрывает он.

После нашей случайной встречи возле цирка прошло полгода. Я не искала его, больше того — побаивалась увидеть. Один раз даже перешла на другую сторону улицы, когда заметила похожий силуэт. Просто выходила из роддома, и за оградой мне почудился мужчина, похожий на Витю. Скорее всего, я обозналась, но сердце тогда билось бешено, а успокоиться я не могла до вечера.

Позади него показывается та женщина, что меня впустила. Она охает и причитает, побуждая моего бывшего мужа наконец перестать сверлить меня взглядом.

— Стёпа в своей комнате. Галина Юрьевна покажет, где это. И... — секундная заминка, пока я пролетаю мимо него. Но следующими словами заставляет замереть, попав точно в цель: — Я рад тебя снова видеть, Марин.

А я тебя нет.

* Wildways & Mary Gu — «Я тебя тоже»

Я берегу... тебя внутри разбитой души

Марина

— Марина, как вас по отчеству? — уточняет Галина Юрьевна.

— Вадимовна.

— Будем знакомы, Марина Вадимовна, — немного чопорно заявляет женщина. — Я Стёпина няня. Бывшая. С самого рождения с ним, и вот приходится покинуть мальчиков.

Киваю, смотря, как женщина выходит из комнаты.

— Пройдите сюда.

Следую за ней.

— Это ванная. — Пропускает меня, сама замирая в дверном проходе. — Здесь можно вымыть руки.

Тщательно их ополоснув и пытаясь не отмечать про себя, как красиво здесь всё оформлено, выхожу обратно.

— Почему уходите? — спрашиваю не столько из-за любопытства, сколько из-за того, что контактировать с Виктором мне не хотелось бы, куда легче общаться было бы с няней мальчика.

— Внучка родила, — с лёгкой улыбкой произносит Галина Юрьевна. — Вышла замуж, уехала в Москву. И вот родила правнучку. А работать и нянчиться одновременно не получается. Вот и позвала меня в няньки, уже и квартиру сняла в соседнем подъезде от своей. Я долго отнекивалась. Жалко Стёпу бросать. Но что поделать? Свою семью тоже не оставишь. Так уж вышло. Сегодня пришла попрощаться и дела передать новой няне. А всё идёт наперекосяк.

Продолжая пояснения, Галина Юрьевна приводит меня в детскую.

В комнате прохладно, шторы задернуты наполовину, работает увлажнитель. В кровати в виде гоночного болида совершенно неподвижно лежит Степа. Румяные щёки выдают температуру. Уточняю по поводу неё.

— С утра была 38,7. Я дала лекарство, надо сейчас перемерить. — Женщина спешит достать из аптечки электронный градусник и сама ставит его Стёпе под мышку.

Он даже не дёргается, будто не замечает происходящего.

— Привет, — я присаживаюсь на кровать рядом с ним и, улыбнувшись, произношу: — Ты меня не помнишь?

Мальчик не отвечает ни да, ни нет. Даже не реагирует на мои слова. Я списываю это на болезнь и высокую температуру. Градусник как раз пищит, оповещая, что цифры ниже не стали.

— Покажите мне ещё раз назначения врача и лекарства, которые вы купили.

Галина Юрьевна тут же откликается и уже через миг протягивает мне увесистую карту мальчика, в которой как раз приклеены назначения. Сверяюсь с купленной дозой антибиотиков, проверяю срок годности. Уточняю по поводу хранения. И вновь безуспешно пытаюсь разговаривать Стёпу, просто выполняю свою работу — обрабатываю руки антисептиком, натягиваю перчатки, подготавливаю спиртовую салфеточку, распечатываю шприц, наполняю его на два кубика, убираю воздух и уже в следующее мгновение делаю мальчику укол. Он даже не плачет, стойко переносит.

И это удивительно. Сколько ему? Четыре.

— Привык уже, — поясняет почти бывшая няня. — Как начал болеть в том году осенью, так никак не выкарабкается. Ещё и мне уезжать приходится.

Галина Юрьевна поправляет пледик на ногах малыша, пока я избавляюсь от мусора.

— Ах да, чуть не забыла: об оплате вам надо с Виктором Максимовичем поговорить. — Она провожает меня обратно в уже убранную гостиную, где Виктор громко и эмоционально разговаривает по телефону.

Он указывает мне рукой на диван и продолжает разговор, но не прекращает следить за мной взглядом. Как же меня раньше злили эти его командирские замашки. И совершенно точно продолжают злить до сих пор.

Взять бы да уйти, наконец поберечь свои нервы. Уже кажется, что и деньги мне не так нужны. Вот только жалко мальчика, безмолвно лежащего у себя в кровати.

— Нет. Нет. Меня не устроит. Я заранее заполнил заявку. Я всё предельно чётко отметил, — Витя говорит ровно, голос не повышает, но я по старой памяти отмечаю, что он начинает заводиться. Ещё чуть-чуть, и начнёт продавливать собеседника. — Нет. Это важно. Хорошо, я рассмотрю кандидатуры.

К дальнейшему диалогу не прислушиваюсь, отключаюсь, пытаюсь понять, как мне поступить.

Можно отказаться. Имею полное право. Даже могу сосватать кого-то из своих девочек-коллег, многие согласятся подработать, да ещё и в таком доме. И я сберегу нервы, наверное...

Общение с Виктором не входит в мои жизненные планы. Тем более когда так знакомо накатывает холод в груди и тянет затылок приближающейся болью. Просто прекрасно! Только мигрени мне сейчас из-за нервной встряски не хватало.

С другой стороны, перед глазами стоит картина потерявшегося мальчика на зимней выставке скульптур. И сейчас — этот молчаливый мальчишка лежит в своей кровати больной, с высокой температурой, безучастный ко всему. Хочется помочь чудесному малышу с тёплыми карими глазами и таким родным именем, отдающимся новой порцией боли.

От этого всего ещё сильнее щемит в груди и болит голова.

Задумавшись, не замечаю вовремя, что Виктор закончил разговор.

— Затылок ноет? — совершенно спокойно спрашивает. — Так и не прошли мигрени?

Я, оказывается, сижу, обхватив ладонью шею. Поспешно убираю руку и скидываю подбородок, смотрю Вите в лицо. И тут же попадаю в плен его карих глаз. Всё такие же притягивающие. Как когда-то давно...

* Егор Крид — «Я берегу»

И если я твой дом — ты в нём любовь

Марина

Я тогда только закончила колледж, получила диплом и даже уже нашла работу медсестрой в инфекционном отделении детской городской больницы. А с подружкой, с которой вместе училась, пошла на праздник.

Помню, был день города, и на центральной площади организовали концерт известной группы. Народу собралось много, не протолкнуться. Встали мы с подружкой с краю у ограждения, в самую гущу специально не полезли. Стоим, подпеваем кому-то на разогреве, пританцовываем, ждём ещё девочек знакомых. Настроение отличное, и кажется, будто всё впереди. Молодость, мечты, кровь бурлит и жизнь прекрасна.

И тут к нам начали приставать не совсем трезвые ребята. Что-то про длину наших юбок заявили, ноги-лица громко обсудили, со смешками и похабными комментариями. Мы с подружкой от греха подальше перешли на другое место, пьяная компашка последовала за нами. Мы вглубь забурились, а те не отстают, кричат оскорбления. Я уже хотела к полицейским из оцепления подойти, как из соседней компании отошли два парня и как-то быстро, не привлекая внимания, пьяных скрутили и вывели из толпы. Кто-то ещё пытался взбрыкнуть, но получил в нос от одного из парней и замолчал. Я стала подругу уговаривать домой уйти: настроение испорчено, ещё не хватало, чтобы нас те пьяные где-нибудь подкараулили. Но подружка упёрлась, хотела спасителей наших отблагодарить. Дождались, поблагодарили.

Тут один и выдал, перекивая солиста на сцене:

— А юбки, девчонки, надо подлиннее надевать, чтоб всякое быдло не приставало, — и улыбался так, заигрывая, глазами так и нырял в моё декольте. — Я бы своей не разрешил такие носить.

И так меня это разозлило. Ладно, те пьяные были, а этот трезвый. Обидно так стало. Как будто мы специально пьянчуг подцепили.

— В паранджу небось одел бы?

— Ну, не в паранджу, но всё-таки... Чтобы не прилетело приключений на жопу, её надо прикрывать.

А у меня и не так чтоб очень короткая юбка-то была. Мини, но не носовой платочек. Очень приличная юбочка. С воланом и стразами. Я себе в этой юбочке очень нравилась, ноги казались такими длинными, почти от ушей.

А он продолжил:

— Я собственник. Мне не надо, чтоб на мою женщину мужики дро... хм, слюной капали.

— А ещё и ревнивый небось? — кокетливо включилась в перепалку моя подруга. Она всегда умела подать себя с выгодной стороны, повести беседу в нужное ей русло, пофлиртовать, обаять. Мне эта наука была неведома. — Зовут тебя случайно не Отелло?

— А фамилия Ломоносов! — влезла я, сверля парня хмурым взглядом.

А он в ответ как засмеялся.

— Как догадалась? — хохотал и грабли свои мне на плечи уложить попытался.

Я отпихнула его руки и сказала:

— Носы профессионально ломаешь.

— А я думал, что мой исключительный ум рассмотрела. Виктор Ломоносов, — представился, ладонь для пожатия протянул, а сам как вцепился в меня взглядом. Глаза карие, выразительные, ресницы длинные.

Я как глянула, так и пропала.

До дома уже шла не одна, с Витей. Всё строила из себя взрослую, понравиться старалась, а он улыбался и даже смеялся над моими шутками. Руки больше не распускал, только за ладонь держал. А мне казалось, что от его руки такое нежное тепло по всему моему телу растекается и каждая клеточка напитывается этим чувством.

Витя на прощание улыбнулся и ладошку мне поцеловал.

А я до утра глаз не сомкнула, всё переживала, что он не позвонит. Потом начала волноваться, что позвонит, но при свете дня рассмотрит меня и даст заднюю. Когда за окном уже стало светать, я вдруг решила, что Витя просто пошутил, дальше мысль скакнула до невероятного: что поспорил на меня с друзьями. Воображение моё подпитывалось молодёжными сериалами и романами о любви. Потому что реального опыта отношений с противоположным полом у меня толком и не было.

Школьная любовь с одноклассником закончилась быстро, через месяц после выпускного. Без страстей и скандалов, тихо и по-дружески. В колледже с ребятами такая напряжёнка, что их разбирают на подлёте. Молодые преподаватели тоже окучены и под пристальным взглядом супружниц, отягчены детьми и ипотеками. Со случайными знакомствами как-то не сложилось, так же как и с братьями моих подруг, сыновьями маминих подруг и внуками соседок.

И так мне стало боязно, что я и целоваться толком не умею, а Витя такой взрослый, такой деловой, такой... Весь такой... Я аж от восторга забывала дышать.

Отключилась я уже под утро, а снились мне манящие карие глаза.

А за завтраком мне Каринка высказала своё недовольное фе по поводу того, что я спать ей не давала, то вздыхала очень громко, то ворочалась с боку на бок. И ещё пошутила: «Влюбилась, что ли?» Я огрызнулась, а сердце сделало кульбит.

Витя позвонил после обеда, когда я уже весь лак на ногтях сгрызла от волнения. Позвонил и пригласил гулять.

Так мы с ним и прогуляли оставшиеся две недели его отпуска.

И целоваться он меня научил. И первым мужчиной стал. А сразу же после этого пришёл знакомиться с моей мамой, обаял её очень быстро. Подкупил своими взрослыми суждениями о жизни и, чего уж скрывать, широкими материальными возможностями. Это всегда было для неё важно.

Я же на его деньги и не смотрела даже. Как и на недостатки. Парила вся, дурочка влюблённая.

За два дня до отъезда Витя сделал мне предложение. Красиво так, с цветами, в ресторане, с колечком. Колечко даже по размеру подошло. Вместо признания в чувствах просто заявил: «Ты моя женщина. Выходи за меня, я сделаю тебя счастливой». Я чуть сознание от огромной волны любви не потеряла, согласилась сразу же, не раздумывая. Хотя чем мне было думать? Тем розовым киселём, что плескался в голове?

Мама только для приличия поохала, но выбор одобрила. Витя познакомил нас со своими родителями и улетел.

На работу в детскую больницу я не вышла, собрала вещи и последовала за ним. Казалось, что и на краю света с ним буду счастлива. Ну просто ванильная дурочка.

— Марин, ты как?

Только сейчас пелена спадает. Виктор сидит на корточках напротив. Волнуется? Дурак.

* 5УТРА, Ваня Дмитриенко — «Не представляешь»

Снова ищу тебя в ком-то. Снова совру, что не помню

Виктор

Сказать, что я удивлен, — это ничего не сказать. Я в таком... будь я на работе, выразил бы всё, что думаю, исключительно матом. Но я дома и здесь стараюсь даже думать цензурно. Потому что у меня сын, который повторяет за мной всё. Ну, точнее — повторял...

Но он же когда-нибудь снова начнёт говорить. И кто знает, когда это произойдёт. Вот я и держу себя в руках и не позволяю эмоциям взять верх.

А Марина стоит у окна и не шевелится. На мгновение я решаю, что женщина в комнате просто похожа на мою жену... бывшую, вот мне и чудится всякое. Но нет, это точно Марина. Она не сильно изменилась за те пять лет, что мы не виделись. Волосы только остригла. Зря, красивые были, длинные. Так и хотелось в них зарываться ладонями. А теперь у неё каре.

При нашей последней встрече зимой я её хорошо рассмотрел, а потом пробил по знакомым, что она вернулась в город, что не замужем, что дети — всего лишь её племянники. И с тех пор потерял покой. От попыток найти её и подстроить «случайную» встречу меня удерживал только здравый смысл.

И вот она сама ко мне пришла. Или её привела судьба, как сказала бы мама. Хотя, как по мне, чепуха это всё.

Наконец хоть что-то произношу. Она дёргается и роняет чёртову вазу. Надо было давно её убраться. Марина наклоняется к осколкам, не даю — поранится ещё.

— Стёпа в своей комнате. — Мне нужно время, чтобы прикинуть план действий в сложившейся ситуации, поэтому позволяю ей просто уйти. — Галина Юрьевна покажет, где это. И... — Чёрт подери, почему я не могу сказать то, что думаю? — Я рад тебя снова видеть, Марин.

На её лице явственно читается, что она не очень-то рада мне, но озвучить не решается. Просто исчезает, уходя за няней.

Пока убираю осколки, прикидываю, что появление бывшей жены в моём доме может быть спланировано только моим другом Пашкой, недаром же он мне вечно пытался про неё что-то рассказать.

Выбросив осколки, набираю его номер.

— Витька, только быстро. У нас тут... — что у него тут и там, я не слышу из-за детского крика.

Но мне просто жизненно необходимо убедить себя не в чудесном проявлении судьбы, а в обычном дружественном расчёте.

— Ты где медсестру нашёл?

— Кого? Я? Какую медсестру? — Крик в трубке стих, зато послышались сначала шорох, а потом какое-то невнятное мурлыканье. — Вика на час из дома ушла, я тут один просто зашиваюсь. Не понимаю, ты про что?

— Ты для Стёпки обещал медсестру. Уколы делать, — пытаюсь объяснить чётко, хотя сам уже понимаю, что наезд мой не по адресу. — Пришла Марина. Ты где её номер взял?

— Какая Марина? Твоя, что ли?

Скриплю зубами так, что, кажется, слышно в трубке.

— Не моя. — Будь в этих двух словах буква р, я бы их прорычал. А так приходится давить интонацией моего непонятливого товарища. — Марина, медсестра, моя бывшая жена.

— Ну так я и говорю. Ща, момент. — В трубке опять что-то шуршит, слышится голос Макара Архиповича, что-то напевающего совершенно не мелодично. — Дед на помощь при-

шёл. А то я никак не соображу. Я Вике сказал, что Стёпа твой заболел и нужны уколы. Она сказала, что у неё есть знакомая медсестра. Я дал твой номер для связи. Всё. Что не так?

— Всё так. — Выдыхаю, заставляя себя переключиться. — Как жизнь семейная?

— Отлично. Только спать охота. И у коляски амортизация плохая, по кочкам скачет.

Смеюсь над словами друга. Затянуло его семейное болото. С удовольствием бы продолжил беседу, но пробивающийся звонок от секретарши не сулит ничего хорошего.

— Виктор Максимович, — Илона Константиновна, зная, что у меня проблемы со Стёпкой, с утра просто так беспокоить не стала бы. — Срочно требуется ваше присутствие. Марков не справляется. А я просто не могу прикрыть собой амбразуру, у меня объёмов не хватит. — Ну хоть у кого-то в нашей жизни сохраняется чувство юмора.

За столько лет совместной работы с Илоной Константиновной я уже понял, что её «срочно» — это ещё не трагедия. Она шикарный секретарь, которая не ушла на пенсию в положенный срок только благодаря моему обаянию и харизме. Ну, мне хочется так думать. Или просто боится, что без нее все развалится и перестанет работать. Но ничего и никогда она не делает в последний момент, всегда всё заранее, всегда всё запланировано и предусмотрено.

— Сколько у меня времени?

— Максимум два часа, — выдаёт строгим голосом моя секретарша.

Значит, часа три есть.

— Илона Константиновна, ну и где мне взять няню за это время?

Умеет же она найти в архиве дела столетней давности, выбить из экспертов заключения раньше времени и вообще с прокурорами дружит. А тут — ничего.

— Вот уж чего не знаю, — в её голосе слышится замешательство.

— Ну ладно. Это я так, просто спросил. Скоро буду, — заканчиваю разговор.

У меня два варианта: требовать от агентства, с которым я заключил договор, няню или звонить родителям.

Когда Марина возвращается в комнату, я веду бой с агентством. Машинально указываю ей на диван, сам себя одёргиваю, пытаюсь отвести взгляд и проигрываю себе в этом бою. Смотрю на неё во все глаза, отмечаю, что она похудела и осунулась, появились синяки под глазами, но, кроме причёски, кардинального Марина ничего с собой не делала. Губы вроде не накачанные, ресницы не наращенные.

Чёрт подери! Пять лет! Пять грёбаных лет я сбегал от прошлого, от собственной никчёмности и подлости, чтобы лицом к лицу встретиться с той единственной женщиной, которую я любил и которую я предал.

Uxknow, гнилаялирика — «Но ты не приходишь»

Визуализация героев

Виктор Максимович Ломоносов. 37 лет. Характер: упертый. С грацией бегемота идёт к своим целям.

 Солодкая Марина Вадимовна. 31 год. Характер: до поры до времени мягкий. Учитесь отстаивать свои интересы и выбирать себя.

В анамнезе: 5 лет брака и 5 лет после развода. Достаточно ли этого времени для них, чтобы понять, принять, простить?

Останься лишь на миг, хоть нет на то причин

Марина

— Сейчас принесу таблетки, — его голос окончательно выдёргивает меня из воспоминаний.

Отходит к шкафчику. У нас дома этот отсек в мебельной стенке мама гордо именует баром и хранит там запасы конфет, печенья и коробки с чаем. Ещё под вазочкой у мамы лежит запас налички — на чёрный день. Мы с Кариной в детстве знали, что ни в коем случае нельзя без спроса брать из бара конфеты, а вот Каролина с Киром это правило нарушают постоянно.

Виктор действительно демонстрирует широкий ассортимент алкоголя, много бутылок с цветными этикетками. Я уже собираюсь возмутиться, что рюмка водки при мигрени не поможет, но он вытаскивает из небольшого ящичка серебристый блистер. Подходит ко мне и протягивает лекарство. Именно то, которым я спасалась от головных болей последний год до нашего развода.

Кручу блистер, дата изготовления — январь этого года.

— Ты страдаешь мигренями? Или у тебя кто-то... страдает?

Это же не просроченное лекарство с тех лет, зачем оно здесь? Не аскорбинка и не гематоген, чтоб на кассе взять в придачу к покупке.

— Нет. Просто случайно купил, — он дёргает уголком рта, и я вспоминаю, что это явный знак того, что Виктор не хочет говорить на эту тему. Можно его пытаться, но правды всё равно не добьёшься. Он сказал всё, что считал нужным, и ни словом больше.

Эта его манера меня тоже когда-то знатно раздражала. Решать всё самому, не рассказывать про проблемы, не распространяться насчёт трудностей на работе — всё это Виктор называл заботой.

Я же при разводе высказала ему всё и о «заботе», и о недомолвках, и о его своеволии. Измена проходила как-то краем, огородами. Как будто то, в чём он признался, и не было важным. Помню, мне тогда полегчало, даже пожалела, что не сделала этого раньше.

— Спасибо. Но мне сейчас нельзя это лекарство, — откладываю блистер на подлокотник дивана и встаю, чтобы отойти от Виктора подальше. Мне не нравится, как он действует на меня.

Замечаю, как внимательно, с прищуром рассматривает меня бывший муж, переводит взгляд на живот и опять смотрит мне в глаза. Запоздало соображаю, что он мог неверно меня понять. Противопоказанием для приема лекарства может быть беременность, хотя я имела в виду то, что после приема этих таблеток меня всегда в сон тянуло.

Но Виктор не уточняет, а я не считаю нужным оправдываться.

— Галина Юрьевна сказала, что по поводу оплаты и графика уколов надо договариваться с тобой, — возвращаюсь я к насущному.

— Да. И это вторая большая проблема после болезни Стёпки. Наша няня нас бросает на произвол судьбы. Новую я пока так и не нашёл. А на работе проверка. И мне кровь из носу надо быть через час в своём кабинете. А Галине Юрьевне завтра на самолёт, сегодня сборы. И она никак не может остаться.

— Я могу, — вырывается раньше, чем успеваю подумать. — Я могу побыть со Стёпой часов до девяти вечера. Потом мне надо будет уйти, — поздно, конечно, строить из себя занятую даму и выдумывать на ходу мужчину и детей, семью, которых нет и не будет. Сама спалилась, предложив помощь.

Виктор кивает, засовывает руки в карманы брюк и молчит. Обдумывает, наверное, как повыгоднее заполнить меня в рабство.

— Я постараюсь быть дома в восемь. Если не случится ничего сверхъестественного. И ставка няни оплачивается отдельно.

— Естественно. Я пойду переговорю с Галиной Юрьевной, пока она ещё не ушла, — чувствую себя глупым оленёнком, сбегающим от льва, и ругаю себя за мягкотелость.

Но стоит мне зайти в детскую, где Галина Юрьевна переодевает проснувшегося мальчика в сухую пижамку, как все сторонние мысли вылетают из головы.

— Галина Юрьевна, вам уже пора бежать?

Женщина кивает.

— Даже не знаю, как мне быть. Чемоданы собраны, но надо к знакомой заскочить, цветы ещё дочка должна забрать из квартиры. Дела, дела. И сердце кровью обливается, — откровенничает она со мной, отойдя от Стёпиной кровати. — Ну как их оставить?

— Понимаю. Виктор... Максимович, — так странно называть его по имени-отчеству, я даже немного замялась, — попросил меня сегодня побыть со Стёпой. А потом няня найдётся.

— Ой, что там найдётся. Знаю я, — Галина Юрьевна качает головой и больными глазами смотрит на мальчика. Видно, что ей не хочется расставаться с ним. — К Стёпе особый подход нужен.

— Давайте вы мне быстренько всё расскажете?

Женщина кивает выйти за ней в коридор. Подходит к трюмо и берёт оттуда папку.

— Я всё уже написала. Подробно. Вот, держите. Тут привычки, — она передаёт мне в руки исписанные листы бумаги. — Что любит кушать, что смотреть. Вот здесь лекарства, которые принимает. — Она тяжело вздыхает. — Насчёт диагноза сам Виктор Максимович расскажет. Сильно Стёпку вопросами не теребите, он не ответит. Вот тут какие книги любимые, здесь я записала размер ноги, одежды. Но я постаралась всё уже купить. Всё в шкафу разложено. Так... — Галина Юрьевна волнуется и спешит, говорит всё быстрее. — Где-то я писала про плановый осмотр, это занятия, это имена педагогов.

— Галина Юрьевна, дайте мне ваш номер телефона. Если будут вопросы, я позвоню. Вы мне всё расскажете, — аккуратно сворачиваю листы. Передам их няне, которую найдёт Виктор. Мне столько информации ни к чему. Пытаюсь убедить сама себя, выходит не очень удачно.

— Да, а вы мне фотографии шлите. Я так прикипела к Стёпе. Да и к Виктору Максимовичу.

Она диктует мне свой номер и номер Степиной бабушки, который я и так знаю. Но даю женщине выговориться. Видно, что ей это нужно.

— Она тоже в курсе всего. И помогает со Стёпкой. Просто из-за здоровья не может с ним быть постоянно.

Колет иголочкой упоминание о Надежде Васильевне. А ведь я с ней поддерживаю отношения после развода с её сыном. И в марте мы даже встречались. А она ни слова не сказала о проблемах со здоровьем.

В коридор из гостиной выходит Виктор, заходит в детскую, рассказывает сыну, что он скоро придёт, а пока ему надо поспать. Медленно и спокойно Виктор говорит, что присматривать за Стёпой буду я. Галина Юрьевна, едва сдерживая слёзы, тоже прощается с мальчиком и выходит из квартиры.

— Спасибо, Марин, что согласилась помочь. И... Стёпа у меня молчаливый парень. Я вечером тебе все объясню. — Виктор выходит из квартиры.

Мы остаёмся со Стёпой вдвоём.

* HOLLYFLAME — «Останься»

Я так привыкла в этом мире никому уже не верить

Марина

Возвращаюсь в комнату к мальчику и присаживаюсь на край постели.

— Хочешь попить? Или покушать?

Степа мотает головой, смотрит в одну точку и молчит.

— Попить надо. Хотя бы немного. Иначе температура не упадёт, и придётся ехать в больницу.

При словах о больнице Степа куксится и пытается забраться с головой под одеяло.

— Нет-нет, — иду на попятный. — Никаких больниц. Но капельницы тоже не самое приятное. Давай поиграем в слона?

Мой опыт общения с детьми ограничивается Каролиной и Кириллом, но точно помню, что легче всего добиться нужного через игру.

— Слоник очень долго гулял в пустыне, устал и захотел пить. Вот нам надо его напоить.

Степа с интересом выныривает из-под одеяла, смотрит на меня, но поильник с водой в руки не берет.

— Вот у слоника хобот, — показываю на трубку поильника. — И хоботом слон пьет. Покажешь мне, как у тебя получится поить слоника?

Степа нехотя садится в кровати и делает из поильника пару глотков.

— А еще слоны любят бананы. Твой слоник любит?

Опять молчаливое мотание головой.

— У тебя горло болит? Тебе трудно говорить?

Степа смотрит на меня из-под бровей и разворачивается спиной ко мне.

Не сложилось у нас общение. Уже без лишних вопросов измеряю мальчику температуру, даю еще воды, провожаю до туалета и жду, когда он заснет.

Телефон на беззвучном начинает разрываться от входящих звонков.

— Да, мам, — шепчу в трубку, чтобы не разбудить Степу, и выхожу в коридор, прикрывая дверь.

Можно зайти в гостиную и спокойно поговорить, но мне не хочется отходить далеко от ребенка.

— Мариш, ты где? У тебя сегодня смена до восьми. А ты до сих пор не приехала.

— Куда не приехала?

Вернуться в город мне пришлось из-за маминой болезни, и мой приезд мама восприняла как удобную возможность меня контролировать. Но вряд ли она сейчас стоит у меня под дверью.

— Ко мне. Я же вчера тебе говорила, что Кирюша приболел, и Карина оставила его дома. Не вести же в сад больного ребёнка.

— Не вести, — соглашаюсь с очевидным и даже припоминаю, что что-то такое мама рассказывала, хотя я была занята и слушала не очень внимательно.

— Ну так мне тяжело, Марин. Я уже не в том возрасте, чтобы прыгать с детьми. Я рассчитывала, что ты мне поможешь, — в голосе тонна обиды.

— С чем, мам? С внуком? Так я не могу, у меня дела. Могу помочь с Кариной — дам совет: ссади ее со своей шеи. Она сама где?

— Что ты такое говоришь, Марина! Она же твоя сестра! Ты должна ей помогать! У нее же дети! Не так я тебя воспитывала, не так.

Все эти мамины речи я слышала за последние пять лет такое несчетное количество раз, что выучила наизусть.

— Мам, где сейчас Каринка? Спит после смены?

— Ей же надо отдохнуть, — возмущается мама.

— И мне надо, мам. Я тоже только с суток.

— Откуда я это должна знать? Ты же ничего мне не говоришь. Могла бы сразу сказать, что с дежурства, а не тратить мое время на бесполезные советы, — мама скомкано прощается и завершает разговор.

Мое и без того нервное настроение портится окончательно. Голова болит и в животе бурчит от голода.

Экран телефона загорается сообщением: «Поешь. Ты же голодная после суток».

Виктор заботится, как всегда, в своей приказной манере.

«В холодильнике можешь брать все, что хочешь».

«Или закажи. Оплата с меня».

Пф. Раскомандовался.

Набираю пару вариантов ответа и все стираю. Без него разберусь.

«Мне придется прислать кого-то из подчиненных, чтобы проконтролировать твой обед!»

Вот же прикопался.

Кухню нахожу в конце коридора. Большая, стильная, с огромным кухонным столом. И какая-то нежилая, что ли. Стерильно чистая. Заглядываю в холодильник. Вся еда в контейнерах, датированная с указанием калорий, белков, жиров и углеводов.

Ни тебе пюре в кастрюльке, ни супчика с лапшой.

Беру йогурт, завариваю себе чай. Пока ищу сахар, нахожу в шкафу печенье. Курабье с арахисом. Мое любимое. И забираю всю вазочку. Съем всё, вот назло. После такого бестолкового обеда иду опять в детскую.

Температура у Степы упала до нормальной отметки, зато сильнее слышится затрудненное дыхание. Через час пора будет делать ингаляцию.

От нечего делать беру медицинскую карту Стёпы. Родился, вес, рост, прививки в роддоме. Карта толстая, как будто ребенок болеет не просто каждый месяц, а каждую неделю. Мне неловко, как будто читаю чужие письма, пролистываю быстро на последние листы. Читаю заключения фтизиатра, пульмонолога, рекомендации педиатра. Задумываюсь о том, что надо посоветовать Виктору врачей из нашего центра. У нас хорошие специалисты, отличный детский аллерголог, пульмонолог принимает — просто профи. Мысленно я уже составила план действий, но откладываю карту и одергиваю себя. Я тут временно, на один день. Мое дело маленькое — уколы делать. Остальное пускай решают родители ребенка.

И чувствую себя невероятной тупицей, только сейчас понимая, что ни Виктор, ни Галина Юрьевна ни словом не обмолвились о маме мальчика.

А где, собственно, Татьяна?

* Anna Asti - Верю в тебя

Сам ты тише! Ненавижу

Марина

Время тянется как пережеванная жвачка. Секунды долго-долго складываются в минуты, минуты еще медленнее суммируются в часы. Я немного подремала в кресле в детской комнате, пока Степа спал. Потом уговаривала его поесть, и, чтобы подышать небулайзером, завлекала сказками и детскими стишками, которые помнила. И все это при полном молчании со стороны ребенка.

— Ну как вы там? — Виктор звонит уже раз в пятый.

— Степа немного поел супа, лекарства выпил, ингаляции сделал, — отчитываюсь я перед своим временным работодателем, по совместительству бывшим мужем и отцом моего подопечного. Ужас, как жизнь все странно закрутила и переплела.

— Отлично. Передавай Степашке привет. Я немного задержусь, ты же дождешься, — он как будто даже не спрашивает, а утверждает.

— Мы договаривались до восьми вечера.

— Да-да. На полчаса буквально опоздаю.

Я выхожу в коридор и прикрываю за собой дверь, оставив небольшую щель.

— Виктор, почему ты оставляешь сына с незнакомыми людьми вместо того, чтобы поручить это маме?

Я несколько часов уговаривала себя, что любопытство — это порок, и не мое это дело, но все равно не выдержала. Сердце разрывалось от жалости к малышу, сиротливо лежащему в своей комнатке, заваленной игрушками, но лишенной любви и уюта.

— Мариш, — Виктор замолкает, и я прямо воочию вижу, как он кривится от недовольства моим замечанием. — Мама тебе наверное не говорила, у нее проблемы с ногами. Варикоз. Надо операцию делать, а она все тянет. Какими-то пиявками лечит и примочками. Но я почти ее додал, скоро решим этот вопрос.

— Да, мне Надежда Васильевна ничего не сказала. — Я теряюсь на мгновение, но потом беру себя в руки: — Я ей позвоню. А сейчас я про другое. Про Степину маму, — мне физически тяжело произносить слово мама по отношению к Степе.

— Ах это. Так ты для меня не знакомый человек. Я, надо заметить, тебя знаю гораздо лучше, чем ... ее.

— Слушай, мне без разницы, кого ты знаешь больше. Договорись с ней и...

Он обрывает:

— Я не буду с ней договариваться.

И этот его тон властный так раздражает!

— Да почему?

Он же совершенно хладнокровно парирует:

— Это не телефонный разговор. Я потом тебе расскажу, если хочешь. Хочешь же?

Выдыхаю... в небольшую щелочку вижу, как молча его малыш играет с машинкой, беззвучно возя ею по одеялу.

— Виктор, в девять вечера я уйду домой. Так что решай свои проблемы быстрее. На этом всё.

Он, как и я, прекрасно знает, что никуда не уйду, ребенка одного не брошу. И, наверное, бывший муж уже понял, что я не смогу остаться в стороне.

О том, что температура больше не поднималась, я, уже успокоившись, докладываю Галине Юрьевне. За вечер дважды скидываю мамины звонки и оставляю без ответа сообще-

ния Карины. Еще я приготовила детские макарошки, которыми мы и поужинали со Стёпой. Мальчик хоть и смотрел на меня исподлобья, но всё-таки покушал. А это уже хорошо!

И, конечно же, лишь в десять вечера, когда Стёпа уже уснул, а я задремала на кресле рядом с ребенком, Виктор удосужился заявиться.

— Мариш, я дома, — сквозь сон его слова кажутся какими-то поразительно правильными и неправильными одновременно.

Он трясет меня за плечо. Шея от неудобной позы затекла, еще и ноги колят иголочками. Отвратительное чувство. Я встаю, выпрямляясь, пережидая, пока пройдет это онемение в ногах. Виктор же подошел к сыну, потрогал ладонью лоб, вытащил из ладошки машинку и поставил ее на полку. Такие привычные жесты, что у меня опять закололо в груди. Пытаясь перебороть это состояние, вылетаю в коридор и направляюсь обуваться.

Слышу, как Виктор выходит за мной.

— Поздно уже, Мариш. Оставайся, — и теперь стоит, сложив руки на груди, и даже улыбается. — А я тебе расскажу все, что обещал.

Ну уж нет, не надо мне его ночных разговоров. Мне просто необходимо дистанцироваться и от Виктора, и от его сына. От всей ситуации, в которую я попала. Мне надо выйти из этой квартиры и разорвать тоненькие зарождающиеся ниточки связи с этой семьей. Не моей семьей.

— Я нормально доберусь до дома на такси. — Достаю телефон, и словно по иронии судьбы он пиликает, разряжаясь... я аж кривлюсь, договаривая: — А рассказ можешь изложить в сообщениях.

“Которые я не прочитаю” — оставляю при себе. Виктор же включает ту самую командирскую “заботу”:

— В такси сейчас небезопасно. Поверь мне.

Ещё бы... действительно, кому же мне ещё верить?

— А ты вызови мне безопасное. — Произношу колко.

Мне бы хотелось верить, что я изменилась, что повзрослела, научилась отстаивать свое мнение. За пять-то лет одиночества я научилась даже гвозди вбивать. А на голос бывшего мужа и его командирские замашки все равно ведусь. Хорошо, что хоть сопротивляться пока есть силы.

Виктор дергает краем рта и кивает, доставая свой смартфон.

— На Столетовский переулок, 36. — Поясняю ему.

Смысла скрывать адрес я не вижу. Все равно узнает.

— Ты не у мамы живешь?

— Нет. Я живу отдельно.

Слишком явно хмурит брови. А я испытываю небольшое удовлетворение.

После развода, помню, читала в журналах, что надо мужу изменщику отомстить и пуститься во все тяжкие. Мол, самоутвердиться, доказать себе, что вы квиты. Этот совет шел обычно следом за советом подстричься и кардинально сменить стиль. Я перекрасилась в огненно-рыжий, потом в ярко-малиновый, а следом и вовсе отрезала волосы, а вот со всеми тяжкими не сложилось. И заметив сейчас реакцию Виктора, думаю, что зря. Было бы приятно ему отомстить. Приятно, но недолго. К сожалению, легко относиться к отношениям и к сексу я так и не научилась.

— Будет через одиннадцать минут. Белая Тайота. Завтра ты ко сколько сможешь подъехать?

— К восьми буду. Послезавтра я дежурю, поэтому ищи няню. И... я поспрашиваю девочек на работе, кто сможет делать уколы Степке. У меня не получится.

Виктор собирается что-то сказать, но я отпираю дверь и выхожу в подъезд, решив дожидаться машину на улице.

—
* Ева Власова — Бывшая

Дай мне воли, чтоб не быть с тобой

Марина

Ровно в восемь я приезжаю к Виктору домой. Делаю Степке укол, варю ему кашу. Виктор все это время ходит по квартире в домашних штанах и ругается по телефону.

— И мне кофейку сделай, — бросает он мне, в очередной раз курсируя между кухней и гостиной. — Да не тебе. Ты жука этого ищи. И знаешь что...

— Сам себе сделаешь, — обрываю я его разговор.

Виктор оборачивается и как-то даже растерянно смотрит на меня.

— Я перезвоню. — Он кладет телефон в карман штанов. — Извини, я что-то по привычке.

— Угу... — пусть сам догадывается по моей интонации, что я о нем думаю.

Отворачиваюсь к плите, ищу детскую тарелку для Степки, перекладываю кашу, добавляю масло и ставлю на стол. Все это под пристальным взглядом Виктора, который я чувствую спиной.

— Степе надо покушать, — я поворачиваюсь к Виктору. — Даже если чуть-чуть. Потом завари ему чай. Вот тут я сварила морс, тоже давай пить. Почаще. Не обязательно полную кружку, можно пару глотков, но именно часто. После ингаляции не забудьте умыться. Это важно. А мне надо уехать на пару часов.

Рано утром совершенно некстати позвонили из автосервиса, сказали, что машина готова. Точнее то, что позвонили — это здорово, я привыкла быть мобильной и не зависеть от общественного транспорта и таксистов, но требовали приехать прям срочно, что не совсем удобно.

— Но мне надо на работу. — Требовательно негодует Виктор.

— Я успею за два часа. И няню ты ищешь?

— Ищу. Да, я ищу. Сегодня должны прийти три претендентки. Посмотришь их? — он идет следом за мной в коридор.

— Я? Почему я?

— Ну... тебе виднее, — Виктор меня просто сражает наповал своим гениальным аргументом.

— Мне? Вить, — я даже называю его коротким именем, до того удивлена. — Что я должна увидеть?

От приложения такси, которое я вызвала ранее, падает сообщение о том, что машина меня уже ожидает. Не дождавшись ответа, мотаю головой.

— Сам, Виктор, все сам. Я вернусь через два часа и поговорим.

Вернулась только спустя часа три. За машину мне выставили счет гораздо больший, чем изначально было оговорено. На мое вполне законное возмущение мужчина заявил, что я должна сказать спасибо, что моё автомобильное корыто вообще еще живо и ездит. Спасибо я сказала, но пошла ругаться к начальству этой шарашкиной конторы. Одно радовало, что авто теперь едет плавно, не глохнет и урчит как довольная кошка.

Заехать на машине внутрь двора мне не разрешил охранник, пришлось парковаться за оградой, зато напротив подъезда. На этаже сталкиваюсь с женщиной лет пятидесяти. Она как раз вышла из квартиры Виктора и шумно выдыхает. Потом поправляет на плече ремешок сумочки и достает телефон.

— Добрый день, — здороваюсь я на всякий случай.

— Да какой там. Вы сюда? На собеседование? От «Комфорта»? Не советую, — женщина качает головой, — тяжёлый человек. Тяжёлый. И мальчик трудный. Я за детей с диагнозами не берусь, слишком много мороки.

В чем-то я с ней согласна на все сто: Виктор очень сложный человек. А вот с диагнозом, который она навешала на Степку, поспорила бы.

Претендентка кивает мне на прощание и спускается по лестнице, а я нажимаю на звонок..

— Ты прогнал няню? — спрашиваю я открывшего дверь Виктора.

Тот уже переоделся в джинсы и рабочую рубашку.

— Она нам не подходит, — категорично заявляет. — А ты ужасно паркуешься задом. На выходных потренирую тебя.

Я даже смеюсь от накатившего чувства узнавания. Ну конечно! В этом весь Виктор. Он, естественно, не понимает, почему это я хохочу с порога, но мне все равно.

Когда-то давно, еще в браке, он однозначно и категорично запретил мне садиться за руль и сдавать на права. Прикрывался беспокойством обо мне. Да и я сама была убеждена, что вождение — это не мое. Но после развода я всё же рискнула и пошла в автошколу, научилась ездить с хорошим инструктором, который в отличие от кое-кого не указывал и критиковал, а помогал. Тут-то и выяснилось, что все не так страшно.

— Ну конечно, я же курица за рулем и мартышка с гранатой в одном лице.

— Я так не сказал. Просто ты могла заехать в три приема, а сама тыркалась раз пять.

— Я прикидывала, как мне поудачнее царапнуть стоящий рядом Лексус, чтоб познакомиться с его хозяином, — на пару мгновений растерянное лицо Виктора доставляет мне удовольствие, но он быстро берет себя в руки.

— Зачем тебе Семен Иванович? — Бывший муж следует за мной в ванную и ждет, пока я вымою руки.

— Семен Иванович значит? Старый, да? Тогда не годится.

— Для чего годится, Марин?

— Для супа, Вить! Для супа! Стёпа поел? Вы сделали ингаляцию?

В детской на полу разбросаны машинки, вскрытые небулы с остатками лекарств валяются на столике, там же невымытая маска и два стакана с остатками морса. Сам Степа увлеченно смотрит мультики на планшете.

— А теперь, сокол мой, — я подхватываю стаканы и выхожу из комнаты, Виктор идет следом. Но, конечно же, взять и выкинуть мусор он даже не подумал. — Коротко и по существу, почему Стёпа молчит? Он вообще молчит? Или только со мной?

Виктор мрачнеет, складывает руки на груди и безэмоционально заявляет:

— После стресса практически всегда молчит. Может сказать “папа”, но редко.

— Понятно, — у меня получается слишком громко грохнуть стаканами об край раковины. Но я не специально, просто рука дернулась. — А эта ушедшая няня чем не угодила?

— Сходу начала диагноза лепить. А Степа не больной! И обязательно заговорит нормально!

— Конечно, заговорит. Не сомневаюсь. И будет болтуном, как его папа, — пытаюсь улыбнуться, выходит, наверное, жалко. — Сегодня еще кто-то из агентства должен прийти?

— Да, еще одна. И одна отказалась. Я сейчас на работу. Как освобожусь, сразу домой. И да, с часу до двух педиатр должна появиться. Я скину ее данные и ей напишу, что ты вместо меня.

День проходит вполне себе спокойно. Мы со Степой и поиграли, и порисовали. Температура поднялась немного, но не критично. Пришедшая к часу педиатр мне понравилась. Спокойная, вдумчивая, в контакте с мальчиком. Она разрешила нам выходить на улицу, если температура не выше 37,5. Обещанная няня на собеседование не пришла.

Ожидаемо, ни в восемь, ни в девять вечера Виктор не вернулся с работы. Что меня примирило с этим фактом? Это сумма, упавшая от него на карту, и возможность уехать отсюда на машине, которая теперь на ходу.

Вот только я опять уснула в детской в ожидании бывшего мужа.

— Мариш, Мариша, — чувствую, как Виктор гладит меня по волосам. — Вставай. Тут же не удобно. У меня в спальне отличная кровать с ортопедическим матрасом.

— Виктор, что у тебя в голове, — ещё не проснувшись шепчу в ответ, разминая шею.

— Мысли, Мариш, и много. А сейчас я приглашаю тебя на ужин, — он тянет меня за руку из комнаты.

— Какой ужин, ты совсем что ли?

В гостиной на столе расставлены свечи, поблёскивают фужеры, на тарелках суши, и даже фрукты красиво нарезаны в пиалах.

— Вить, ты не в себе, — вытягиваю ладонь из его хватки и иду в коридор.

— Марин, не усложняй, а?

— Вить, не заставляй меня думать о тебе хуже, чем было, ладно?

Он поджигает недовольно губы, но сдается. И это меня удивляет. В прошлом Виктор с грацией бегемота давил бы до последнего, а сейчас поднимает руки в примирительном жесте.

— Напиши мне, как доберёшься, чтоб я не беспокоился.

Ах нет, последнее слово все равно должно быть за ним.

* AMELI — Черная вода

Ты была права — я не исправим

Виктор

«В голове моей опилки. Не беда», — напеваю под нос песенку из любимого Степкиного мультика. Причем нашего советского Винни-Пуха сын любит гораздо больше, чем заграничного.

«Или беда?»

Стою возле окна и смотрю, как Марина идет по освещенной дорожке на выход из двора, как она садиться в свою табуретку. В машине загораются габаритные огни.

Ну надо же — Марина и за рулем. И нормально она парковалась, не хуже некоторых мужиков. Просто мне захотелось вдруг по старой памяти оказаться опять на коне, на пьедестале. А получилось все наперекосяк.

Марина здорово изменилась. От той легкой, тонкой и звонкой девочки, что я встретил на городской площади, остались только большие серые глаза. Но и они теперь смотрят не восторженно, а колко, иногда с насмешкой, иногда с недоумением и осуждением, но ни разу с обожанием.

И ведь не скажешь, что жизнь во всем виновата. Нет. Сам виноват, что предал и растоптал.

Я же не влюбился в Марину с первого взгляда. В отпуск к родителям приехал, гулял, отдыхал. В голове уже имелись некоторые мысли, что пора остепениться, но не сильно я парился над этим вопросом. Родители меня всегда понимали, внуков не требовали, плешь про семейное гнездо не проедали. Вот я и курсировал между дамами в свое удовольствие.

Маринку пошел провожать просто потому, что надоело на концерте. А она оказалась забавная. Искренняя, смешливая, вся такая в мечтах и грезах. Мне все казалось, что ветер сейчас дунет и она улетит, поэтому взял ее крепко за руку и держал. Над шуточками смеялся, сам фигню всякую нес, лишь бы она улыбалась. Весело с ней было и легко. Почему бы не провести приятно остаток отпуска?

А вот когда дело дошло до постели, меня торкнуло ее доверчивостью и открытостью. Неискушенность тоже пошла Марине в плюс. И взгляд, полный обожания, как контрольный мне в голову.

Если по-честному, то полюбил я Марину за ее любовь ко мне. Это же непередаваемое удовольствие, когда на тебя с таким всепоглощающим чувством любви смотрит женщина.

Сразу обозначил свои намерения, замуж позвал. И женился, как обещал. Да и жили мы хорошо. Марина могла даже не работать, я хорошо зарабатывал. Но ей же сидеть дома было не интересно, вот я и пристроил ее в госпиталь. В гинекологию. В основные отделения не рискнул. Там мужиков много, приставать начали бы. А я неожиданно для себя оказался ревнивым и собственником.

Это я теперь понимаю, а тогда... первые разговоры про детей не вызывали никаких ярких эмоций.

Зачем нам дети, когда и так хорошо, вдвоем?

Потом новость о Маринином диагнозе как-то затерлась моим увольнением.

Сколько себя помню, всегда хотел быть военным. И родители меня в этом поддерживали. Хотя с возможностями семьи я мог поступать хоть в Москву, хоть в Лондон, а пошел в академию. Распределился на флот и принялся строить карьеру. И удачно все шло, пока не схлестнулся с новым флотским царьком. Скандал вышел громкий, царек с должности слетел, но и мне вежливо намекнули на выход. Можно было и побарахтаться, отстоять свое, но я устал бороться с ветряными мельницами, плюнул и уволился. Вернулись мы с Мариной домой и жизнь вполне

устроилась. Квартиру купили и... тут-то и встал в полный рост вопрос о детях. И вроде не так все критично со здоровьем, и шанс вроде есть, но стало мне свербеть, не давать покоя. Все мне казалось, что не в Марине дело, а во мне. Еще и врачи однозначно не говорили, кто виноват, и молчали на вопрос “Что делать?”.

Маринина машина уже давно отъехала, а я все стою у окна, вглядываясь в темноту. Завтра рано вставать, надо где-то искать няню, на работе проблемы... и не хочется ничего решать. Хочется, чтобы Марина опять на меня смотрела с обожанием. А не как сегодня вечером — с недоумением.

Хотя даже ее недовольство, недоумение, раздражение на меня искренние. А я давно не видел в женщинах этого чувства. Обесценилось оно как-то, подешевело. Нет, я признаю, что женщине тяжелее в нашем мире, чем мужикам. Вон Оксанка из аналитики — разведена, дочка маленькая, вот она и пристраивается как умеет. И на работе со мной согласна задержаться, и подарки возьмет без лишних слов. Но черт побери, как же достало это все. Денежно-рыночное.

Марине и раньше от меня ничего не нужно было, кроме меня самого. А сейчас ничего не нужно, а я ей подавно.

В гостиной пахнет воском и едой. Тушу свечи, сметаю все с тарелок в мусорный пакет. С наскака с Мариной ничего не выйдет, придется идти окольными путями. И начну, пожалуй, с няни...

Перед сном захожу к Степке. Он спит, разметавшись по кровати. Подушка валяется на полу, плед скомкан в ногах. Поправляю все, целую сына в лоб.

Поменял бы я сейчас сына обратно на Марину, зная, что кого бы я не выбрал, второй уйдет навсегда? Не уверен.

* Баста — “Ты была права”

Если я окажусь на дне, ты тот самый яркий свет?

Марина

Казалось бы, давно прошла молодость с ее восторженностью и эмоциональностью. Ужемотришь на все спокойнее, не так переживаешь из-за недостатков людей, свои принимаешь и даже сон начинаешь ценить гораздо сильнее любовной горячки.

Но Виктору удастся вынести меня из берегов спокойствия. И полночи я не сплю, все думая, что он имел ввиду? И прихожу к выводу, что он махровый эгоист, который вообще не берет во внимание мои чувства.

Засыпаю я с четким намерением минимизировать общение с бывшим мужем. А снится мне почему-то Стёпка, сидящий на качелях посередине голого поля.

Утро, несмотря на щемящую тоску после сна, начинаю с воплощения своего плана. Звоню двум девочкам из клиники. И обе, как назло, не могут подменить меня на уколах. Решаю предложить Виктору заключить официальный договор медицинского страхования, тогда к Степе прикрепят педиатра и медсестру.

Но все идет не по плану.

Мама начинает названивать, еще пока я за рулем. Сбрасываю звонки, но она набирает снова и снова. На светофоре меня подрезает какой-то олень на крутом джипе, портя настроение окончательно.

— Мамуль, если я скидываю звонки, значит, я не могу разговаривать, — припарковав машину на вчерашнем месте, спешу к подъезду.

— Но у тебя сегодня выходной. Вот я и звоню.

В выходной в восемь утра она звонит... мама что-то продолжает говорить, пока я поднимаюсь по лестнице.

Дверь распахивается раньше, чем я успеваю нажать на звонок. Виктор меня караулил что ли?

Он стоит в коридоре, засунув руки в карманы брюк. Голубая летняя рубаша ему очень идет, я невольно засматриваюсь на крепкие руки, широкие плечи бывшего мужа. Закрываю за собой дверь, пытаюсь разуться, не кладя трубку.

— Надо подъехать, забрать Каролину часов в шесть. Адрес я тебе скину сообщением, — таким командным тоном выдаёт мама, что я быстро включаюсь в разговор.

— Я не могу в шесть.

— Как это не можешь? Ты же выходная.

— Я взяла подработку, — срывается раньше, чем я успеваю подумать. Надо было соврать что-то про планы, хотя это маму бы не остановило. И почему я не сказала, что вышла вне смены в клинику?

— А... И что же? Ты никак не сможешь забрать Каролинку с праздника?

— Нет. Не смогу. А Карина где?

Я так и стою в коридоре, надеясь побыстрее свернуть разговор. Виктор тоже не уходит, рассматривает меня, хмурится.

— Ты меня вообще слышала?

Ну, не очень-то, но маме об этом не скажешь.

— Мам, я уже пришла на работу. Мне некогда. Я освобожусь поздно, на меня не рассчитывайте.

— Хорошо, — мама вздыхает так показательно тяжело, будто надеется меня продавить. — Я что-нибудь придумаю. А подработка хорошая? Деньги заплатят? Кириллу надо логопеда оплатить. И Каролинка хочет в летний лагерь на море. А цены там такие, что ужас.

И если про логопеда для Кира я сама задумывалась, то море для Каролинки я не потяну.

— Мам, у Кирилла и Каролины есть родители. Мать и отец. Почему Марк не побеспокоится о своих детях? Почему Карина не подаёт на алименты? — я отворачиваюсь от Виктора в попытке спрятаться от его присутствия. Не хочу, чтобы он был в курсе трудностей моей семьи. Но натываюсь на его внимательный взгляд через зеркало на двери. Прячу глаза.

— А с чего он будет платить? Он же не работает, — заводит мама старую волынку.

— И поэтому я должна думать о лагере для Каролины?

Мама опять пытается выказать кучу аргументов про то, что мы семья, что мы должны помогать друг другу, но я перебиваю:

— Все, мам, не могу говорить, — и отключаюсь.

— А ты изменилась, — задумчиво тянет Виктор.

— А ты нет. Вот чего стоишь и подслушиваешь? Мог бы и уйти, — мое раздражение прорывается наружу.

— Мог. Но тогда бы я не узнал много интересного. Что приключилось с Мариком-комариком?

Виктор с первого дня знакомства с мужем Карины относился к нему снисходительно. Мальчик и слюнтяй — обычные его характеристики для Марка. Хотя теперь-то я согласна с Виктором, тогда мне было неприятно слушать такое про мужа сестры.

Марк, как в общем-то и Виктор, сын обеспеченных родителей. У них были в собственности три небольшие гостиницы в нашем городе и соседнем и шикарная база отдыха, сеть магазинов канцтоваров — все приносило стабильный доход. Дела шли хорошо, Каринин свекр умел работать, свекровь тоже дома не сидела. Несколько квартир они сдавали, сами жили в загородном доме. Машины, отдых за границей, все атрибуты успешной жизни.

Мама была очень довольна, что Карина так удачно вышла замуж. Даже не очень переживала, что дочь после второго курса бросила университет, куда сама с трудом ее запихнула. Сестра же страшно гордилась, что смогла переплюнуть меня, хотя я никогда не понимала этого ее соперничества.

В тот год, когда родилась Каролина, я разводилась, а родители Марка спешно, под натиском конкурентов, продали гостиничный бизнес и уехали жить на остров Фиджи. Сыну они оставили недвижимость и сеть магазинов, которая под его управлением быстро пришла в упадок. Марк то загорался идеей туристического бизнеса, то планировал открыть сеть автомастерских. Работать не умел, не хотел. Деньги от сдачи недвижимости уходили на повседневные нужды, тем более скромно и по средствам жить не хотел ни он, ни Карина. Каролину разбаловали, сами ни в чем себе не отказывали. Влезали в долги.

К моменту рождения Кирилла Марк продал магазины и те квартиры, которые сдавались. Дом был в собственности родителей, его они не согласились продавать. Раздав долги, Марк с Кариной оказались без денег, но с грандиозными планами собственного бизнеса и огромным нежеланием работать.

Я жила далеко, подробностей толком не знаю. Ни мама, ни Карина не рассказывали, как так вышло, что после рождения сына Марк просто лег на диван и, попивая пиво, бездельничал. Скорее всего, ему просто перестали давать деньги в долг. Карине пришлось искать работу. Без образования, без какого-либо опыта это было трудно сделать. Скандалы и упреки жены, слёзы детей не заставили её мужа оторваться от дивана. Карина подала на развод и съехала к маме. Наверное, была уверена, что Марк одумается и побежит за ней. Но он продал квартиру и исчез на полгода с радаров. Прогуливал деньги за границей.

Потом вернулся, но ситуацию это не изменило. Марк не работает, живёт на подачки от родителей. Карина устроилась в магазин продавцом, пытается устроить свою жизнь.

Все это я выдала как на духу Виктору и сама с себя ужаснулась. Зачем я это рассказала? Захотелось поделиться? По старой памяти помнила, что Виктор всегда умел выслушать и, хоть

и с едкими комментариями и замечаниями, но быстро и четко находил выход из ситуации, помогал, даже не спрашивая, а нужна ли мне помощь.

Ну а сейчас разве она была нужна?

Эллаи — “Я не перестану”

Мы же взрослые люди? Дай мне уйти

Марина

Не считая всплеска моего откровения, которое совсем не к месту, но что уж теперь поделаешь, утро проходит как будто по давно отлаженному сценарию. Я варю кашу для Степы, Виктор пьет кофе, стоя у окна.

— Сегодня придет няня. Я ее принял без собеседования, мне очень рекомендовали. Надеюсь, тебе понравится, — он как будто улыбается, прячась за краем кружки.

И что мне должно понравиться в няне?

— Хорошо. Завтра я работаю. Сутки. Твоя няня может сделать укол?

— Мне обещали, что она может все, — и опять непонятная мне улыбка, и в глазах смешинки.

— Отлично, — как можно бодрее заявляю, хотя сама себе боюсь признаться, что буду скучать по Степе, когда в моих услугах перестанут нуждаться.

— Я на работу. Ты все равно пока за главную. Я постараюсь быть дома пораньше.

— Ой, да кто тебе поверит, — как-то даже привычно отвечаю.

Когда Виктор служил, работа занимала большую часть его жизни. Я была по остаточному принципу. Потом, после увольнения, уже на новом месте, мало что изменилось. Виктор любит свою работу, умеет командовать людьми, умеет управлять коллективом, достигать поставленных целей, может и кнутом, и пряником мотивировать сотрудников. В браке меня это как будто устраивало. Потом оказалось, что я просто не умею высказывать свое недовольство. Могу молчать в тряпочку, а вот четко сказать: “вот это и это меня не устраивает”, не обучена.

— Не, правда, — Виктор подходит ко мне вплотную, вторгаясь в личное пространство.

Я отступаю к стене, зажатая с одной стороны столом, с другой — кухонной столешницей. Он делает еще шаг, но пока меня не касается. Я чувствую аромат его кожи, геля для душа, ощущаю горячее дыхание на лице и тяжёлый будто осязаемый взгляд на своих губах.

Зажмуриваюсь, а Виктор хмыкает и с грохотом ставит кружку в раковину. И отступает.

— Не забудь поесть. Вчера была доставка свежей еды.

Уходит на работу, а я иду в детскую. Меряю температуру Степе, делаю укол, помогаю умыться и переодеться. Сегодня мальчик гораздо бодрее, лекарства действуют, кашель не такой мучительный, но ингаляции и массаж следует продолжать.

— Не вкусно? — спрашиваю, когда он чахнет над кашей вот уже минут пятнадцать.

Пожимает плечами и откашливается.

— А что хочешь? Мне Галина Юрьевна сказала, что ты гречневую кашу любишь, вот я и варю.

Степка морщит нос.

— А что ты любишь? Папа твой уважает грузинскую кухню. А ты?

Мальчик наклоняет голову к плечу и рассматривает меня с интересом.

— А ты любишь как папа? Лобио? Чахохбили? — перечисляю по памяти.

Степа опять морщит нос. Подумав, слезает со своего стульчика и подходит к шкафу, открывает и достает пачку спагетти. Кладёт передо мной и решительно подталкивает по столешнице. Ну точно у отца этому жесту научился.

— Макарошки? С сыром?

У ребёнка загораются глаза как будто я ему в подарок живого Деда Мороза презентовала. Вот и отлично, будет у нас сегодня праздник живота.

Я ставлю кастрюлю с водой на плиту и решаю привлечь ребенка к готовке. Доверяю ему под моим присмотром высыпать макароны в кастрюлю. Потом мы вместе натираем сыр, выби-

раем тарелки, моем помидоры с огурцами. Завтрак затягивается и грозит захватить полдник, но нам со Степкой весело. Я фотографирую довольного мальчика и отправляю Галине Юрьевне и, немного подумав, Виктору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.